

*Перегорит костер и перетлеет,
Земле нужна холодная зола.*

Н. Туроверов

А я все помню те года,
Где в клочьях дыма и болтанках
Гремели наши поезда
На безымянных полустанках.
Я слышу, словно наяву,
Колес движенье с ветром рвущим.
С подножек прыгали в траву
И шли пешком к огням зовущим.
Варили кашу с молоком
И борщ с грибами ради пира.
И был нам вовсе не знаком
Противный вкус чужого сыра.
И, вспоминая те года,
Я часто думаю с тоскою,
Что шли мы явно не туда
Под тяжелой бронзовой рукою.
На нас смотрел с прищуром мир,
Но мы об этом не грустили.
Мы сотворяли свой кумир
И на костях сады растили.
И хоть от смеха разревись,
А жизни должно продолжаться...
Россия, где ты?! Отзовись...
Я так хочу к тебе прижаться!

Чтоб каждый был другому рад,
Но по любви — не по неволе,
И чтоб обнялся с братом брат
На том кровавом русском поле,
Чтоб зрели к сроку семена,
Чтоб зеркала не покривились,
Чтоб стала храмом та страна,
Где храмы прахом становились...
Но словно ворон распростер
Над нами крылья волей злою...
Все тлеет, тлеет тот костер
И не становится золою.

* * *

Как мне хочется жить на иной высоте,
Выше спешной молвы, выше грешной печали,
Только силы не те, только годы не те,
Только ветры земные меня укачали.

Я еще напишу неплохие стихи,
Я еще дорешу, что во мне не решилось.
Я еще подышу на сережку ольхи,
Чтоб она, как живая, в руке распушилась.

И ответит мне Бог, что распят на кресте,
Чьи ладони любую слезу отирают:
«Для чего тебе жить на иной высоте?
На иной не живут, на иной — умирают».

* * *

До того мелового отрога,
До летящих навстречу небес
Доведет грунтовая дорога,
Разделившая поле и лес.
Сочетанье бессмертья и тленья,
Прошлых дней накрутившийся ком —
И, оторванный от поселенья,
Грустный домик мигнет огоньком.
Там погост зачернеет крестами,
Там качнутся ряды камыша...
Отчего-то с такими местами
Сокровенно роднится душа.
Вдруг накроет волною, как в море,
Ледяная большая беда —
Бессловесное детское горе,
Будто мама ушла навсегда.
Замелькают картины и лица,
Истончится дорога, как нить,
И впервые начнешь ты молиться,
Как впервые начнешь говорить.

Я поклонюсь, ступивши на крыльцо,
 И в храм войду душистою весною,
 И на иконе девичье лицо
 Возникнет через миг передо мною.
 И я запомню, как она глядит
 Ликующими детскими глазами,
 И этот взгляд мне душу охладит
 И отогреет теплыми слезами.
 Воскресный звон разносится окрест,
 И над людьми, домами и ларьками
 Святая Параскева держит крест
 Девическими тонкими руками.
 И я не знаю, что мне ей сказать,
 Пролитшейся в давиленью алым соком,
 И свет знакомый больно осязает
 В ее уделе, тяжком и высококом.
 Пасхальный день на землю радость льет —
 И радостью этой оживаю.
 А на иконе девочка поет,
 И я ей, как умею, подпеваю.

* * *

Оно уже недалеко,
 То состояние ума,
 Когда окажется легко
 Открыть пустые закрома,
 Сказать: «О Господи, прости!
 Я ничего не сберегла...»
 И просто за руку пойти,
 Как в детстве бабушка вела.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СУББОТА

Тайна смертного лица —
 Обретенье лика.
 Претерпевших до конца
 Упокой, Владыка.
 От меча и от суда
 Не искавших броду —
 Сопричти их навсегда
 К своему народу.
 Схорони их в свой приют,
 Светлое селенье,
 Где по сердце воздают
 Ни печаль, ни тленье.
 Вы, небесная родня,
 Золото людское,

Помолитесь за меня
Во своем покое.
Поминального огня
Слезы восковые —
Вам, хранящие меня,
Ближние, живые.

* * *

Еще я умею ходить босиком,
И музыку слышать в березовых сенях,
И плакать украдкой над каждым цветком,
И около речки стоять на коленях.
И нужно мне только немного огня,
И чтобы синичка под окнами пела.
Куда же уходите вы от меня,
Те люди, к которым душа прикипела?
Одно остается: ходить босиком,
И музыку слушать в березовых сенях,
И плакать украдкой над каждым цветком,
И около речки стоять на коленях.

* * *

Мне не снится уже ничего,
Словно полог скользнул, обрываясь,
Где-то бродит мое естество,
От меня темнотой закрываясь.
Что я вижу и что говорю
В том сокрытом и призрачном мире?
Приближается жизнь к октябрю,
И мечтает земля о кумире.
И опять тот же шепот больной
На изгибах осенних излучин:
Что же будет с моею страной,
Где никто ничему не научен?
Сядут вороны на купола,
И промолвит бродяжка слепая:
«Я не знаю, куда я пришла,
По опавшему праху ступая.
Так далек и неверен мой путь,
И нельзя мне от слез отереться...
Приютите меня кто-нибудь...
Дайте мне у огня обогреться».

* * *

На веревке билась простыня,
Паруса подобье обретая,
Дул весенний ветер сквозь меня,
С севера на запад пролетая.

И хотелось радостью простой
Слиться с этим праздничным кипеньем,
С этой изумленной чистотой,
С этим вдохновенным птичьим пеньем,
Полететь за поле и за лес,
Где мерцает воздух и искрится.
И услышать, что Христос воскрес,
И в дыханье вечном раствориться.

* * *

И все вдруг стало по-другому,
И все неважное отпало,
Как будто к дереву нагому
Листва летящая припала.
Иссякли замыслы пустые,
Узлы тугие развязались,
И смыслы самые простые
Нужнее прочих оказались.
Я стану тихой и нестрогой
И, все собрав, что не пропало,
Перекрещусь перед дорогой,
Что прямо под ноги упала.

* * *

Ива в темноте напоминает
Многоглавый сумрачный собор.
Человек идет и приминает
Палых листьев шелестящий сор.
Человек идет в тиши рассветной
И куда-то, видимо, спешит.
Словно тонкой тканью одноцветной
Мир укрылся, только лист шуршит.
Удержалось время в перепаде
Между пробуждением и сном,
В бесконечном тихом листопаде,
В сокровенном шорохе лесном.
И душа болеет отчуждением
Среди серой призрачной пурги,
Словно между смертью и рождением
Слыша одинокие шаги.

* * *

Были темноокие,
Статные, красивые,
В радости — широкие,
В горе — не плаксивые.
Времена ненастные
Вас сметали со свету,

Белые и красные —
Все предстали Господу.
И из неба-затишка
Звон пасхальный слышится,
А под небом батюшка —
Тихий Дон колыхается.

* * *

Принимаю всю твою печаль,
Как дитя больное обнимаю,
Словно сердцем ножевую сталь
Принимаю,
Все твои снесенные мосты,
Все твои разбитые дороги,
Все твои поклонные кресты
И остроги.
Всех твоих невинных стариков
И мальчишек, скачущих на прутьях,
Всех твоих Иванов-дураков
На распутьях.
Все твое богатство и нужду,
Всю твою жестокость и участие,
Все твое спасенье и беду,
Словно кровь Христову на причастье.